Круг двенадцати душ

Автор:
Ирина Матлак

Круг двенадцати душ

Ирина Александровна Матлак

Двенадцать девушек, и среди них я, оказались заперты в стенах старого особняка. Всех нас продали таинственному графу, который никогда не показывает своего лица. Все мы узницы в этой клетке, не знающие, зачем нас здесь собрали. Но выбор есть всегда, и нам решать – томиться в неведении, ожидая своей участи, или же пытаться найти ответы. Бояться трудностей не в моих правилах, и я выбираю второе.

Ирина Матлак

Круг двенадцати душ

Пролог

В большом зале царит полумрак.

Неровные огни свечей подрагивают от гуляющего сквозняка, ветер скользит по каменным плитам, подхватывает алые лепестки и несет с собой холод. Последний проникает в тело, разум и самые отдаленные уголки души. Жуткий, потусторонний, он охватывает все существо и выпивает последнее дыхание.

На полу выбит круг, разделенный на двенадцать секторов. В его центре стоит человек, застывший в напряженном ожидании.

Бой огромных часов, доносящийся из другого конца зала, нарушает тягостную тишину. Но этот бой еще хуже, еще страшнее – он отсчитывает последние секунды чьей- то жизни. Зал наполняется плачем, который настолько тих, что кажется плодом воображения.

Взгляд прикован к секундной стрелке, неумолимо приближающейся к двенадцати. Слышно, как шелестит ускользающее время, унося с собой последние надежды тех, кто стоит в каждом из секторов.

Двенадцать.

Не просто число – движущая сила, неотъемлемая часть времени.

Стрелка останавливается, и на короткое мгновение снова наступает тишина.

Дыхание перехватывает, сердце замирает в ужасе от осознания того, что сейчас произойдет. Вокруг скользят бесшумные тени – неотъемлемые спутники совершаемого ритуала. Они ползут по полу и стенам, касаются тонкими длинными пальцами горящих свечей, выжидают и предвкушают свою плату.

Дрожат обнаженные нервы, в непослушном теле безвольной птицей бьется душа. Не вырваться, не улететь, не скрыться. Чувство беззащитной открытости сводит с ума и доводит до грани безумия.

Резко вспыхивает пламя свечей, огненной вспышкой взмывает вверх и, разрастаясь, опаляет холодную кожу. Тени оживляются, скользят все быстрее, быстрее, быстрее… Вращается круг, сдвигаются плиты, делается тучным раскалившийся воздух.

Возвращается ушедшее, минует настоящее.

Лепестки роз кружат в алом вихре, смешиваются с буйством пламени и осыпаются на пол горьким серым пеплом.

Надрывный крик – первый, второй… двенадцатый.

– Кэтлин, – пересохшими губами шепчет застывший в центре круга мужчина, горящими глазами смотря на открывающуюся воронку.

Яркая, ослепляющая вспышка, всепоглощающая, разрывающая тело боль – и запертая в клетке птица улетает на свободу.

Глава 1

Судорожно вздохнув, я резко села на кровати. Волосы налипли на разгоряченное лицо, сердце билось о ребра, в мыслях все еще витали обрывки очередного кошмара.

Третий раз за месяц… прежде такого не случалось. Сон, преследующий с далекого детства, с каждым годом становился все отчетливее. Появлялись новые детали, образы становились яснее, а страх все усиливался. Неконтролируемый, необъяснимый, он засыпал днем и просыпался с приходом ночи.

Всякий раз, ложась в постель, я боялась закрывать глаза. Слишком реальными, слишком настоящими были являющиеся кошмары. Я стояла в одном из секторов странного круга и видела спину находящегося в центре человека. Ни лица, ни фигуры – только силуэт и едва различимый шепот чьего-то имени, когда часы били полночь.

Поднявшись с кровати, я зябко поежилась и подошла к окну. Отворив его, глубоко вдохнула прохладный весенний воздух и посмотрела на светлеющее небо. Прошло несколько минут, прежде чем сердцебиение выровнялось, а кошмар немного померк.

– Бекки, – позвала я, и в следующее мгновение в комнату вошла моя горничная.

Она присела в книксене и, не дожидаясь приказа, стала готовить ванну. Пока я лежала в облаке пышной пены, горничная заправила постель и извлекла из

шкафа простое домашнее платье. Затем помогла мне переодеться и собрать волосы в высокую прическу.

– Скажи, чтобы завтрак накрыли в малой гостиной, – попросила я, глядя на свое отражение. – Я скоро спущусь.

Когда за Бекки закрылась дверь, я несильно похлопала себя по щекам, пытаясь придать им румянец. Этим утром я выглядела чрезмерно бледной, что в свете беспокойной ночи было совсем неудивительно.

Выйдя из комнаты, прошла по утопающему в полумраке коридору и стала спускаться вниз. Время раннее, и я была уверена, что все, кроме прислуги, еще спят, поэтому прозвучавший на втором этаже голос дяди стал неожиданностью. Донесшаяся до меня реплика была довольно громкой, но следующие слова лорд Кендол произнес гораздо тише.

Мне никогда не было присуще излишнее любопытство, и сейчас я бы продолжила путь, но прозвучавшее имя заставило остановиться. В разговоре была упомянута я.

Стараясь ступать как можно тише, я приблизилась к кабинету, из которого по-прежнему доносились приглушенные голоса. Дверь была плотно закрыта, но это не мешало слышать все, о чем за ней говорят.

– Значит, шестого июня? – спросил незнакомый голос, судя по тембру, принадлежащий пожилому человеку.

– Шестого июня, – уверенно подтвердил лорд Кендол. – Ей исполнится двадцать один год.

– И вы согласны на все условия лорда Баррингтона?

– Абсолютно.

Послышался шорох бумаг, за которым последовала недолгая пауза. Некоторое время я стояла, надеясь на возобновление разговора, но вскоре за дверью послышались приближающиеся шаги.

Едва я отошла в сторону и скрылась за поворотом коридора, мужчины вышли из кабинета. Украдкой выглянув из-за угла, я убедилась в правильности своих предположений – незнакомец был преклонных лет. Его седые, словно присыпанные мукой волосы были идеально уложены, строгий черный костюм сидел безукоризненно, а глубокая складка меж бровей свидетельствовала о том, что он часто хмурится.

Мне хватило беглого взгляда, чтобы отметить эти детали и составить мнение о госте. Он производил впечатление педантичного, строгого и не терпящего вольностей человека.

Когда вместо того, чтобы приказать дворецкому проводить его до двери, дядя вызвался сделать это лично, я удивилась. Должно быть, гость действительно важный.

Завтракала в одиночестве. Кузина и ее мать вставали не раньше полудня и, если что-то будило их до этого времени, пребывали в скверном расположении духа. Лорд Кендол же снова закрылся в кабинете, так меня и не заметив.

Мелкими глотками отпивая крепкий кофе, я размышляла над тем, что недавно услышала. Единственным возникшим предположением являлось то, что меня собираются отдать замуж. Я всегда знала, что рано или поздно это произойдет, и потому не слишком удивилась. Возражать опекуну и устраивать сцены не собиралась, понимая, что это ни к чему не приведет. Давно смирилась с мыслью, что в выборе мужа моим мнением никто интересоваться не будет. Дела дяди в последнее время шли неважно, состояние стремительно таяло, и он не скрывал, что намеревается выгодно меня продать.

Я усмехнулась: «продать» – самое верное определение. Он и к своей дочери относился как к вещи, что уж говорить обо мне. Но Эмили еще не исполнилось и шестнадцати, поэтому лорду Кендолу пока оставалось лишь строить на нее планы.

До этого момента моей руки просили трое молодых людей, но у дяди каждый раз появлялся повод для отказа. Первого жениха он нашел недостаточно состоятельным, второго – недостаточно знатным, а третий, увы, не подходил сразу по двум этим пунктам.

Тем не менее с сегодняшним гостем они явно договорились. Я была практически уверена, что права относительно темы их разговора. Вдобавок упомянутая дата – шестое июня, являлась днем моего рождения, а двадцать один год – возраст полного совершеннолетия. Оставалось надеяться, что старик является всего лишь представителем потенциального мужа, а не им самим.

Зря себя накручивать и волноваться по этому поводу я не намеревалась. Есть вещи, которых не изменить, к тому же я считала себя обязанной дяде. Несмотря на многие недостатки и холодное отношение, он поселил меня в своем доме, обеспечил хорошим образованием и никогда ничем не попрекал. Я, в свою очередь, старалась не вызывать его недовольства и лишний раз не попадаться на глаза, но в то же время была единственной, кто иногда решался с ним спорить.

Лорда Кендола отличал жесткий, властный нрав, и иногда ему случалось перегибать палку. В последний раз это случилось, когда один из лакеев, подавая кофе, пролил содержимое чашки на его новый костюм. В тот день лорд, и так пребывавший в ужасном настроении, сорвался и ударил слугу по лицу. Я была тому свидетельницей и встала на защиту провинившегося лакея, чем обрушила на себя гнев вконец разошедшегося лорда Кендола.

Дядю нередко посещали неконтролируемые вспышки ярости, и это было одной из причин, по которым все старались лишний раз не выводить его из себя. Некоторые считали, что подобные приступы – наследственная черта рода Кендолов, и я искренне надеялась, что мне она не передалась.

Эта надежда была небеспочвенной, ведь многие замечали, что я всем пошла в мать. У нас были схожие фигуры и черты лица, одинаковый бледно-голубой цвет глаз. От отца же я унаследовала лишь темные, практически черные волосы.
А вот слабую магическую особенность, которую назвать даром можно было лишь с большой натяжкой, передали мне не родители. Умение видеть незримое было довольно редким, но практически бесполезным талантом. Оно не переходило по наследству, ему было невозможно обучиться – с ним только рождались.

В королевстве к магии всегда относились с настороженностью, а раньше те, кто обладал хотя бы крупицей сверхъестественного дара, подвергались гонениям. Ровно двести пятьдесят лет назад произошла так называемая «Чистка», в результате которой погибло более двух тысяч магов и колдунов. То было темное время, ознаменованное кровавыми рассветами и жаром бесчисленных

костров. Несмотря на жестокость, в некотором смысле такие меры были оправданны. Магии опасались не просто так – во многих она будила скрытые пороки, тянула из глубин души самые черные желания, и обладатели дара становились на темный путь. До «Чистки» в отдаленных концах королевства процветали жестокие ритуалы, при помощи магии совершались убийства.

Все, кто жил в наше время, благодарили небеса за то, что нам посчастливилось не родиться несколько веков назад. Хотя в наши дни официально маги не преследовались, к ним все равно относились с опасением. Поэтому те, кто, как и я, обладал небольшими способностями, предпочитали их скрывать.

После завтрака я зашла в библиотеку и, взяв книгу, вышла с ней в сад. Разместилась в излюбленной беседке и, укутавшись в шаль, погрузилась в чтение. Несмотря на то что стоял конец апреля, по утрам все еще было довольно холодно. Ночью прошел дождь, и теперь воздух был свежим и влажным. Мне нравилась такая погода – спокойная, уравновешенная, не кричащая ярким солнечным светом. Наверное, потому что я и сама во многом была такой.

Некоторые считали меня бездушной.

Когда холодным ноябрьским днем глубокая яма принимала двух близких мне людей, я не плакала. Просто стояла и смотрела, как горсти влажной земли падают на темные крышки. Все, что запечатлелось в памяти, – это горький запах пожухших листьев, перемешанный с тошнотворным ароматом смерти, и безликая черная толпа, то и дело протягивающая ко мне несчетное количество рук.

Утешения, соболезнования – всего лишь пустые, ничего не значащие слова. Бесполезные. Большинству до трагически погибших супругов Кендолов не было никакого дела. Кто-то и вовсе радовался, хотя искусно прятал истинные чувства под личиной сочувствия и скорби.

Когда в гостиной, где не так давно проходили бесчисленные званые обеды, накрыли поминальный стол, я поднялась к себе. Лежала на кровати, наблюдая за подрагивающими на потолке кривыми тенями. В окно скреблись мокрые ветки, в дымоходе скулил ветер.

Через некоторое время внизу уже раздавался веселый смех.

Плакать я так и не научилась.

За книгой просидела вплоть до того момента, пока в сад не вышла старшая горничная, сообщившая, что меня зовет лорд Кендол. Я была уверена, что причины, по которым дядя решил поговорить, связаны с утренним визитером, и мысленно настроилась на неприятные известия.

Перед дверью кабинета на миг замерла, расправила плечи и, сделав глубокий вдох, мысленно сосчитала до пяти. Убедившись, что чувства спрятаны глубоко внутри, а на лице отражается спокойствие, вошла внутрь.

Лорд Кендол сидел за письменным столом, откинувшись на спинку черного кресла. Стоило мне переступить порог, как я поймала его пристальный, пригвождающий к полу взгляд. Дядя умел смотреть так, что человек под этим взглядом начинал чувствовать себя ничтожным и терял всякую уверенность. Но я, привыкшая к подобному уже давно, лишь почтительно кивнула в знак приветствия.

– Располагайся, Амина. – Лорд указал на кресло, стоящее напротив. – У меня для тебя новости.

Заняв предложенное место, я сложила руки на коленях и вопросительно на него посмотрела. Брови лорда сошлись на переносице, и он не терпящим возражений тоном произнес:

– Это лето ты проведешь в поместье Сторм-Делл, находящемся в окрестностях Риджии. В дорогу отправишься через неделю, поэтому начинать собираться можешь уже сейчас.

Такими словами я была удивлена и продолжала молча на него смотреть, ожидая подробностей. Однако давать пояснения дядя не спешил. Вместо этого он вернулся к изучению каких-то бумаг и, казалось, совсем забыл о присутствии племянницы.

Я давно научилась держать под контролем чувства, и сейчас на лице не дрогнул ни единый мускул. Невзирая на замешательство, мой голос прозвучал спокойно и твердо:

– Могу я узнать причины? Почему мне предстоит переехать на несколько месяцев?

На миг оторвавшись от бумаг, лорд Кендол поднял на меня взгляд и холодно проронил:

– Поместье Сторм-Делл принадлежит моему давнему знакомому, и ты поедешь туда в качестве гостьи. Я велю подготовить все к твоему отъезду. С собой можешь взять только свою горничную.

Когда лорд вновь замолчал, маска спокойствия все же дала трещину, и я выжидающе приподняла одну бровь.

– Это все, что тебе нужно знать, – отчеканил мой опекун, снова погрузившись в изучение бумаг. Теперь уже окончательно и давая понять, что дальнейшие расспросы неуместны.

Разговор вышел на удивление коротким.

Поднявшись с места, я почтительно склонила голову и проронила:

– Как скажете, дядя.

Расправив плечи, уверенным шагом направилась к выходу, и, когда пальцы коснулись холодного металла дверной ручки, меня настиг голос лорда:

– И еще одно. Сделай все для того, чтобы никто в Сторм-Делле не узнал о твоем даре.

Я на миг замерла, после чего толкнула дверь и незамедлительно покинула кабинет. Последнее предупреждение было явно лишним. Зачем говорить очевидное? Никто, кроме опекуна, не знает о моих способностях, так будет и впредь.

Поздним вечером я сидела в своей комнате и смотрела на отплясывающий в камине огонь. Рядом стоял остывший ужин, к которому даже не притронулась.

Мысленно возвращаясь к нашему с дядей разговору, я приходила во все большее недоумение. Причины, по которым мне предстояло ехать в другой конец королевства, оставались неясны, а отказ лорда о них говорить вызывал некоторые опасения. Интуиция редко меня подводила, и сейчас внутри зарождалось нехорошее предчувствие.

– Миледи! – Внезапно прозвучавший голос Бекки заставил меня невольно вздрогнуть. – Это правда, что мы отправимся в Риджию?

Горничная взяла поднос с ужином и замерла в нерешительности, ожидая ответа.

– В поместье, находящееся в окрестностях Риджии, – поправила ее я.

Бекки хотела еще что-то спросить, но, наткнувшись на мой предупреждающий взгляд, не проронила ни слова. Она молча удалилась, тихо прикрыв дверь и оставив меня наедине с собой.

За окном разгулялся ветер, завывающий, точно раненый зверь, языки пламени беспощадно пожирали обуглившееся дерево и навевали воспоминания о ночном кошмаре. В их танце мне виделось что-то недоброе, притаившееся в закоулках недалекого будущего. Но, не в силах ничего изменить, я лишь откинулась на спинку кресла и прикрыла глаза. Оставалось надеяться, что на этот раз предчувствие меня обманывает.

В дорогу мы отправились с первой грозой. Чернильное небо осветилось яркой вспышкой молнии, грянул майский гром. Экипаж тронулся с места и покатился по мощенной камнем улице, уже окропленной первыми каплями дождя.

Нас не провожали.

С дядей и кузиной я простилась еще в доме, а леди Кендол, сославшись на мигрень, так и не вышла из комнаты. Безусловно, то не было желанием выказать мне неуважение – во всем виновата погода. Так сказал лорд, и я с ним согласилась.

Экипаж потряхивало, звучно отбивали дробь копыта лошадей, а лицо сидящей напротив Бекки было бело как мел. Горничная всегда отличалась излишней суеверностью, до дрожи боялась колдунов и верила во все мыслимые и немыслимые приметы. Вот и нынешняя гремящая гроза и беснующийся ветер виделись ей дурным предзнаменованием.

Путь предстоял долгий, а я никогда не любила длительных путешествий. Чтобы скоротать время, взяла с собой несколько книг и сейчас погрузилась в чтение. Специально остановила выбор на философии – такая литература никогда не читается быстро.

Бекки же грамоте обучена не была и потому мучилась, не зная, чем себя занять. Я видела, что она несколько раз порывалась со мной заговорить, но не решалась. В итоге горничная достала пяльцы и принялась за вышивку. Насколько мне было известно, вышивать она не любила, но в данной ситуации альтернативы не было.

Ближе к вечеру мы остановились на постоялом дворе, где сняли лучшие комнаты. Лошадям и кучеру требовалось отдохнуть, да и нам с Бекки тоже. Находиться в обществе одной лишь только горничной мне было непривычно. То обстоятельство, что лорд Кендол отправил меня в дорогу фактически одну, настораживало и вызывало изрядную долю недоумения.

– Миледи, как же так получилось? – все же решилась спросить горничная, расчесывая мои волосы. – Почему лорд Кендол вас отослал?

– Не знаю, Бекки, – задумчиво проговорила я, смотря на свое отражение в настенном зеркале. – Не знаю…

Ночь прошла беспокойно. Кошмары не мучили, но с их ролью прекрасно справлялась ожидающая впереди неизвестность. Мысли о том, что меня ждет по приезде, отгоняли сон и внушали беспокойство. Это чувство рождалось в глубинах души, разрасталось и не желало сдаваться даже под натиском силы воли.

Единственным разумным предположением по-прежнему оставалось то, что меня решили выдать замуж. Вот только столь странный способ знакомства с женихом никак не вписывался в привычные рамки. В глубине души я тешила себя мыслью,

что сумею избежать свадьбы, если вдруг потенциальный муж вызовет стойкую неприязнь. Вся бедственность моего положения заключалась в отсутствии наследства. Все, что оставили после себя родители – это долги и дом, продажа которого пошла на их частичное погашение. Отчасти именно поэтому я считала, что любым способом обязана возместить дяде потраченные на меня деньги.

И все же…

Глубоко вдохнув и закрыв глаза, взяла эмоции под контроль. В конце концов, это не самое страшное, что мне довелось пережить. Кем бы ни был лорд Баррингтон и какие бы цели ни преследовал, перед ним я буду держаться со спокойствием и достоинством.

Ранним утром раздался негромкий, но настойчивый стук в дверь. Накинув шерстяную шаль, сонная Бекки отворила визитеру, и в следующее мгновение до меня донесся мужской голос:

– Передай леди Кендол, что карета графа уже дожидается внизу. Пожалуйста, пусть поторопится.

Дядя предупреждал, что нас встретят, поэтому я не удивилась, хотя и предполагала, что это случится несколько позднее. Что ж, по крайней мере, за свою безопасность можно больше не волноваться.

Перед тем как спуститься вниз, мы успели наскоро позавтракать. Сборы не заняли много времени, и людям лорда Баррингтона долго ждать не пришлось. Присланная графом карета оказалась гораздо просторнее той, в которой мы ехали прежде. Однако, несмотря на явную дороговизну, она казалась старой – такие были в моде лет десять – пятнадцать назад.

Теперь нас сопровождал человек, которого мне уже доводилось видеть прежде, – тот самый гость, приходивший к дяде неделю назад. Он оказался немногословен, и, кроме приветствия, я от него ничего не услышала. Сама расспрашивать ни о чем не стала, предполагая, что ответов все равно не дождусь.

До Риджии мы добрались лишь к следующему утру. Она встретила нас рваным туманом, расстелившимся по земле и вязкими островками повисшим в сыром

воздухе. Серая дымка скрывала очертания зданий и фигуры прохожих, обволакивала экипаж, словно желая защитить небольшой городок от посторонних глаз.

Когда мы выехали к окраине, экипаж остановился у старого здания, явно принадлежащего давно ушедшей эпохе. Об этом говорили остроконечные ажурные башни, стрельчатые окна и украшенные сложным орнаментом фасады. Легкость силуэта контрастировала с массивностью пары каменных скульптур, представляющих собой рычащих химер. Должно быть, некогда это здание являлось центром охотников на магов, а сейчас здесь располагался очередной постоялый двор.

Дженкинс – наш провожатый, сообщил, что необходимо сменить лошадей. Целые сутки мы ехали практически безостановочно, и животные были измотаны. От долгого сидения затекли ноги, и мне тоже захотелось размяться.
В сопровождении Бекки я вышла из экипажа и неспешно побрела по окутанной туманом улице. Дженкинс бесшумно двигался следом.

– Ведьма! Ведьма! – внезапно раздались громкие голоса, и вскоре я увидела неподалеку небольшую группку детей.

Они окружили девочку лет двенадцати, одетую в потрепанное шерстяное платье и старые, затертые до дыр башмаки.

– Убирайся из города, ведьма! – крикнул парень постарше, тыча в нее длинной деревянной палкой.

– Ведьма, проклятая ведьма! – снова подхватили остальные, окружая девочку.

Та стояла, широко расправив плечи и высоко подняв голову. Хотя губы ее дрожали, но глаза смотрели с вызовом, а пальцы сжимались в кулаки.
Замкнутый круг сужался, и деревянные палки практически касались несчастной жертвы.

Не в силах смотреть на травлю, я стремительно направилась к ним и на ходу выкрикнула:

– Прекратите!

Услышав возглас, дети синхронно обернулись в мою сторону и тут же несколько умерили пыл. Видимо, сказалось наличие рядом дорогой кареты и присутствие за моей спиной Дженкинса. Этот человек, несмотря на преклонный возраст, производил неизгладимое, подавляющее впечатление.

Стоило мне оказаться совсем рядом, как дети бросились врассыпную. Единственной, кто остался стоять на месте, была та самая девочка, которую я хотела защитить.

– Миледи, не подходили бы вы к ней! – испуганно проговорила Бекки. – Недаром же ее ведьмой кликали!

Девочка продолжала смотреть прямо перед собой и словно не замечала ничего вокруг. В ее глазах по-прежнему отражался вызов, но теперь я смогла разглядеть скрытые под ним обиду и страх. Маленькое худое тельце дрожало, будто от мороза, а на чумазых щеках виднелись следы от недавних слез.

Я редко имела дело с детьми и сейчас не знала, как ее успокоить. Действуя интуитивно, медленно приблизилась и, почувствовав, что девочка собирается убежать, замерла.

– Не бойся, мы тебя не обидим. – На миг задумавшись, спросила: – Ты голодна?

Этот вопрос могла бы и не задавать – по ее лицу все было видно и так.

– Бекки, принеси из экипажа кошелек.

– Но ведь… – замешкалась та, бросив на девочку настороженный взгляд. – Она же…

– Бекки!

Пробормотав «слушаюсь», горничная неохотно отправилась выполнить поручение.

До чего же глубоко в сознание въедаются предрассудки! Человека считают виновным лишь потому, что он не похож на других. Интересно, если бы Бекки знала о моем даре, стала бы относиться ко мне так же, как к этому ребенку? Продолжила бы прислуживать, внутренне содрогаясь от страха и неприязни, или же бежала бы без оглядки?

– Не стоит этого делать, – неожиданно произнес Дженкинс, когда кошелек оказался у меня в руках и я извлекла из него несколько монет.

На миг обернувшись, я холодно проронила:

– Разве я спрашивала вашего мнения?

– В городе за ней присматривают, – невозмутимо ответил сопровождающий. – Она обеспечена всем необходимым.

Не посчитав нужным высказывать все, что думаю по этому поводу,
я приблизилась к неподвижной девочке и взяла ее за руку, намереваясь вложить деньги.

Внезапно кожу обожгло. С моих губ сорвался судорожный вздох, и прежде, чем отпрянуть назад, я успела заметить полыхающий в глазах девочки огонь. Ее зрачки расширились, сливаясь с темной радужкой, и превратились в два черных колодца, на дне которых светились ярко-оранжевые блики.

Взглянув на свою ладонь, я обнаружила, что она покраснела и покрылась несколькими прозрачными волдырями. В следующее мгновение, воскликнув, ко мне бросилась горничная и со свойственной ему невозмутимостью подошел Дженкинс. Раздался негромкий звон и торопливые удаляющиеся шаги, вскоре превратившиеся в бег. По дороге покатились упавшие монеты, словно желающие догнать исчезающую из виду фигурку.

– Миледи, вот несчастье-то! – причитала Бекки, смазывая мне руку мазью, которую дал сопровождающий. – А все из-за этой ведьмы, гореть ей в адовом пламени! Говорила ведь…

– Ты забываешься.

Холодный тон несколько остудил пыл горничной, и она прикусила язык. Мазь впитывалась на удивление быстро, снимая жжение и охлаждая кожу, залечивая последствия неестественного ожога. Какой именно магией обладала девочка, я так и не поняла. Ясно было лишь то, что контролировать дар она не умела. В то, что этот несчастный ребенок причинил мне боль намеренно, как-то не верилось.

Вскоре мы снова тронулись в путь. По моим подсчетам, прибыть на место должны были к середине дня, из-за чего внутри всколыхнулась притихшая было нервозность.

– Вы всегда возите с собой медикаменты? – спросила я у Дженкинса скорее из желания немного отвлечься.

– Разумеется, – бесстрастно отозвался тот. – В карете всегда есть все необходимое.

Я перевела взгляд на окошко: утренний туман растаял, а затянутое тучами хмурое небо тяжело стонало, предвещая приближающуюся грозу. Эти края славились вечной сыростью и пасмурной погодой. Солнце появлялось разве что в конце весны и летом, да и то ненадолго. Риджия словно была создана для того, чтобы в ее окрестностях человек предавался меланхолии и впадал в вязкий сон.

Мы ехали вдоль полей и высоких лесов по размытой от прошедшего накануне дождя дороге. В какой-то момент карета дернулась и резко встала, после чего раздался голос кучера, понукающего лошадей.

Дженкинс ничего не сказал, но недовольно прищурился, а складка, пролегшая меж его белесых бровей, стала глубже. Когда спустя несколько минут мы так и не тронулись с места, провожатый недовольно поджал губы и вышел из кареты. Бекки нервно сминала свою вышивку, неразборчиво бормоча что-то о дурных предзнаменованиях.

Через некоторое время стало понятно, что своими силами двое мужчин не справятся. Хотя я и не могла похвастаться хорошей физической подготовкой, решила предложить им помощь. Да, леди подобное поведение не пристало, но мне совершенно не улыбалось проторчать здесь целый день из-за глупых предрассудков.

– Бекки, иди сюда! – позвала я горничную, присоединившись к мужчинам, толкающим карету.

Те смерили меня крайне удивленными взглядами, но предпочли промолчать. Из-под утопающих в грязи колес вылетали тяжелые комья, налипающие на подол платья. Туфли с чавканьем погружались в раскисшую землю, выбившиеся из прически пряди неприятно налипали на лицо.

Вчетвером нам все же удалось сдвинуть карету, и, как только это произошло, я устало прислонилась к ней спиной, выравнивая дыхание. В этот же момент внезапно заметила стоящего у леса человека. Это был мужчина лет тридцати с небольшим. Судя по внешнему виду, он принадлежал к знати. Его взгляд, показалось, был направлен прямо на меня.

Почему он не подошел, видя, что мы нуждаемся в помощи? Впрочем, это очевидно – наверняка побоялся испортить дорогую одежду и запачкать руки. Большинство из известных мне аристократов были ужасно изнеженными и не желали лишний раз пошевелить даже пальцем.

– Вы его знаете? – на миг отвернувшись, спросила я у Дженкинса.

Отряхнув манжеты от приставшей грязи, провожатый поднял глаза и уточнил:

– Кого?

Я вновь обернулась в сторону леса, но, к моему удивлению, там уже никого не было. По молодой листве активно застучали капли, и в следующее мгновение с неба, освещенного вспышкой молнии, хлынул мощный поток – словно висящее над головой море внезапно ухнуло вниз.

Невдалеке раздалось ржание коня, разнесшееся по лесу гулким эхом.

Глава 2

До поместья мы добрались ближе к вечеру, когда гроза отгремела, а дождь превратился в мелкую водяную пыль. Сторм-Делл походил на неприступную темную скалу. Тяжелое мрачное строение в четыре этажа словно вросло в землю, заявив свои права на все окружающее. Невзирая на то что его размеры не поражали воображение, впечатление здание производило гнетущее. Сквозь кованое ограждение просматривался сад с небольшим мраморным фонтаном, возле которого раскинулись клумбы алых роз. Там же стояло несколько скульптур, покрытых налетом времени, – не то нимфы, не то бескрылые ангелы. По одной из лицевых стен дома вился плющ, тянущийся от земли до верхнего этажа. Посыпанная гравием тропинка вела к входу с массивной темно-вишневой дверью, надежно охраняющей покой обитателей поместья.

Мне казалось, сам воздух здесь напитан тоской и немой безнадежностью. Поместье словно оплакивало что-то ушедшее, и душа его с каждой секундой приходила во все большее запустение. На этих землях царствовал холод – не тот, что бывает в снежную зиму, но тот, который ощущается и летом, сжимая тисками внутренности и проникая в самое сердце.

Ворота нам открыл высокий, крепко сбитый молодой мужчина, исполняющий обязанности садовника. Перед этим он подстригал кусты, но, как только увидел подъехавшую карету, тут же прекратил свое занятие и поспешил навстречу.

– Миледи, с вами все в порядке? – вывел меня из оцепенения голос Бекки.

Я медленно кивнула и, дождавшись, пока Дженкинс откроет дверцу, вышла из кареты. Стоило оказаться на улице, как неприятные ощущения усилились. Липкий чужеродный страх прополз по позвоночнику и вязким комом подкатил к горлу.

Я чувствовала магию. Она, подобно невидимой паутине, опутывала особняк и сад, ползла по коротко стриженной траве и заполняла каждую частицу пространства. Любому другому человеку она была бы незаметна, но предо мной, обладающей способностью видеть незримое, представала отчетливо.

Ворота скрипнули и закрылись – подумалось, что это захлопнулась дверца клетки.

В холле нас встретила женщина, судя по всему являющаяся экономкой. Доброжелательности на ее лице хватало ровно настолько, чтобы должным образом поприветствовать гостей. Каштановые волосы были собраны в строгий пучок, бордовое платье сидело идеально, подчеркивая стройную фигуру. Для своей должности женщина была довольно молодой, и это натолкнуло на мысль о том, что заняла она ее не так давно.

– Леди Кендол, мы ждали вас. – Губы ее тронула легкая улыбка, но глаза остались холодными. – К сожалению, хозяин не может встретить вас лично. Комнаты уже готовы, прошу за мной.

Вслед за нами на второй этаж поднялся садовник, несущий мой багаж. Отсутствие лакеев показалось несколько странным, но я не стала заострять на этом внимание. Судя по всему, лорд Баррингтон предпочитал жизнь в уединении и штат прислуги был совсем небольшим.

– Через два часа в столовой накроют ужин, – сообщила экономка, когда мы вошли в отведенные мне комнаты. – Если что-то понадобится, пусть ваша горничная даст знать. Полагаю, будет лучше, если сейчас вы отдохнете с дороги, а дом осмотрите несколько позже.

С этим я была полностью согласна. После непривычного занятия в виде толкания кареты чувствовала себя ужасно грязной, и хотелось скорее привести себя в порядок. Что примечательно, горячая ванна для меня была уже подготовлена, словно слуги с точностью до минуты знали, в какое время я переступлю порог этого дома.

После того как дорожная пыль и следы грязи были устранены, я на некоторое время отпустила Бекки, которой также требовалось заняться собой. Перед тем как уйти, экономка сообщила, где находятся комнаты для прислуги, и сейчас горничная отправилась туда.

Оставшись в одиночестве, я внимательнее осмотрела помещение, где находилась. Все здесь было выполнено в темных тонах: резная мебель, включающая массивную кровать, мягкий уголок, стол и гардероб, а также пол, стены и занавески. Лишь потолок отличался более светлым оттенком. Из окна открывался вид на задний двор с небольшим прудом, заросшим камышами и наполовину затянутым зеленой тиной. Через него тянулся каменный мостик,

словно созданный для того, чтобы, стоя на нем, кормить прилетающих на пруд лебедей. Не знаю, почему вдруг на ум пришла такая ассоциация – сейчас никаких птиц там не было. Рядом возвышались потрескавшиеся мраморные статуи – такие, как перед домом, и скрюченные сухие вязы.

Горячая вода помогла снять усталость и напряжение, но не избавила от гнетущих чувств. Я словно наяву видела, как дом наполняет нечто неприятное, тяжелое, прочно въевшееся в стены. Постаравшись отрешиться от возникших ощущений, я прилегла на кровать и закрыла глаза. Всего на секунду, но этого оказалось достаточно. Сон охватил внезапно, утащил в свои бездны и незаметно вырвал из реальности.

Он был тем же: хорошо знакомым, но по-прежнему непривычным. Сколько раз я так стояла, смотря в широкую мужскую спину и не в силах пошевелиться, – не счесть. Но каждый раз был словно первый. Скованная ужасом, беспомощная, я слышала гулкий бой часов, отсчитывающих уходящие прочь секунды. Снова леденящий душу ветер, глухо шуршащие лепестки и ползущие безмолвные тени.

Но теперь что-то изменилось – появилась новая деталь. Едва открылась темная воронка и мужчина в центре зашептал имя, как воздух сделался тучным. Я видела, как через него постепенно проступают очертания женской фигуры, облаченной в белые одежды. Вскоре поняла, что бело не платье – бела сама женщина. Полупрозрачная, воздушная, будто сотканная из тончайшего мерцающего шелка. И только глаза были неестественно синие, печальные, затянутые поволокой безнадежной тоски.

Всего мгновение – и они направлены на меня.

Очнулась я от собственного крика. Резко сев на кровати, обнаружила, что пальцы с силой сминают покрывало. Приложив ладонь ко лбу, я попыталась успокоиться и выровнять дыхание, как вдруг ощутила рядом что-то странное. Внутри всколыхнулось неприятное ощущение, вызванное чьим-то присутствием.

Подумав, что меня все еще преследует взгляд из кошмара, я подняла глаза и буквально застыла. У комода, рядом с большим напольным зеркалом висел призрак из сна. Вначале подумалось, что мне просто мерещится, но прозрачная фигура не развеялась после того, как я поводила перед собой рукой и несколько раз поморгала.

Подавив рвущийся наружу крик, я медленно поднялась с места и, замерев, негромко спросила:

– Кто ты?

Наверное, глупо было полагать, что мне ответят, ведь призраки не разговаривают. По крайней мере, так уверяют люди, которым доводилось их видеть. Насколько мне известно, подобными духами могли стать те, чья смерть была преждевременной, и такие сущности всегда имели привязку к определенному месту. В данном случае выходило, что призрак привязан к этому дому.

– Что тебе нужно? – Еще один нелепый вопрос, но молчать я не могла.

Просто не знала, как себя вести в такой ситуации и какие действия предпринять. Бывали случаи, когда призраки проявляли себя агрессивно. Хотя они являлись существами нематериальными, но могли нанести существенный физический урон и даже убить.

Мне с трудом удавалось подавлять сотрясающую тело дрожь. Казалось, я все еще сплю и вижу дурной сон. Самым страшным было то, что именно этот призрак только что привиделся мне в кошмаре.

Возможно, таким образом проявился дар и я заранее увидела встречу, которая должна была произойти? Но никогда прежде интуиция не давала знать о грядущем через сны и тем более не переплеталась с кошмаром. Да и видеть будущее я никогда не умела…

Мысли проносились в сознании одна за другой, в то время как глаза смотрели на зависшую над полом женщину. Впрочем, по отношению к ней скорее напрашивалось определение «девушка». Миниатюрная, светловолосая, в длинном платье с кружевным подолом, она походила на хрупкую фарфоровую статуэтку с сапфирами вместо глаз.

Я сделала короткий шаг по направлению к ней, и в этот миг внезапно отворилась дверь. Как только в комнату вошла Бекки, дух бесшумно развеялся, не оставив и следа.

– Что-то случилось? – обеспокоенно спросила горничная, видимо заметив мое состояние.

Я быстро взяла себя в руки и даже улыбнулась:

– Все хорошо.

Переведя взгляд на часы, с удивлением отметила, что со времени приезда прошло уже полтора часа. А ведь казалось, что я спала всего ничего…

За оставшееся до ужина время Бекки помогла мне собраться – подготовила выбранное платье и уложила волосы. За что я всегда любила свою горничную, так это за умение делать прекрасные прически и, что немаловажно, делать быстро. Сегодня я решила оставить волосы распущенными, подколов на затылке лишь несколько прядей. Этим вечером требовалось выглядеть хорошо и достойно, поэтому образ был дополнен дорогими, но неброскими украшениями.

– Миледи, я должна вас предупредить, – несколько суетливо проговорила Бекки, когда я собралась выходить. – В доме помимо вас находится еще семеро гостей, и все они молодые девушки.

Сказать, что известие меня удивило, это не сказать ничего. Но размышлять на тему того, что это может значить, времени не оставалось, поэтому, приняв информацию к сведению, я отправилась на ужин. Вопреки ожиданию, за дверью комнаты меня дожидалась не экономка, а Дженкинс, облаченный в костюм дворецкого.

Чем дальше, тем больше меня поражало происходящее. До сего момента я считала, что мой провожатый как минимум поверенный лорда Баррингтона, а как максимум – хороший знакомый. Но дворецкий? Немыслимо, ведь дядя вел себя с ним как с почетным гостем и едва ли не равным себе! Неужели не знал, кто перед ним?

Стол в столовой был накрыт на восемь персон, что являлось подтверждением слов Бекки. Пять мест уже были заняты девушками, каждая из которых на вид была моей ровесницей. Присаживаясь на предусмотрительно отодвинутый Дженкинсом стул, я окинула их беглым взглядом, которого хватило для составления общего мнения. Для меня было очевидно, что леди среди

присутствующих не было, хотя внешний вид девушек был безупречен. Платья на них были не слишком дорогие, но подобранные со вкусом.

Ко мне обратились любопытные оценивающие взгляды, в которых не было ни тени удивления. Значит, о моем сегодняшнем приезде девушки были осведомлены.

– Добрый вечер, – несколько запоздало приветствовала я и представилась: – Леди Амина Кендол.

Упоминая статус, я вовсе не хотела подчеркивать свое превосходство, это было лишь привычной констатацией факта.

После нестройных ответных приветствий девушки также поочередно представились. Ту, что сидела рядом со мной, звали Кэсси – слегка полноватая шатенка с милыми ямочками на щеках, появляющимися при улыбке. Девушка напротив представилась Делорой. Она отличалась от Кэсси миниатюрностью и очень длинными русыми волосами. Держалась несколько отстраненно и говорила совсем мало. Складывалось впечатление, что мысленно она пребывает где-то далеко.

Цоканье каблучков возвестило о приближении двух оставшихся девушек, и вскоре они вошли в столовую. На сей раз в одной из них я признала леди. О ее статусе говорили походка, осанка и взгляд. За каждым движением и жестом скрывались долгие годы обучения и правила, заученные еще в детстве. Светлые волосы, по последней столичной моде постриженные чуть ниже лопаток, были идеально гладкими, подбородок отличался легкой заостренностью, а полные губы изгибались в снисходительной улыбке. С тем видом, с каким она предстала перед нами, впору королеве было приветствовать своих подданных.

Девушка, идущая рядом с леди, была очень миловидной и отличалась таким цветом волос, за который несколько столетий назад женщины подвергались гонениям. Рыжие пряди струились по плечам, подобно огненному водопаду, а зеленые глаза только усиливали ее сходство с ведьмой.

Когда они обе присели за стол, дворецкий подал ужин. Пока перед нами расставляли тарелки с отбивными и гороховым пюре, новоприбывшая блондинка хмыкнула:

– А вот и восьмая.

Не требовалось долго думать, чтобы понять, о ком идет речь. Среди девушек, живущих в этом поместье, восьмой была я.

– Леди Виола Фейн, – не без гордости представилась блондинка. – Мой отец – известный виконт Фейн.

– Леди Амина Кендол, – в свою очередь представилась я, спокойно встретив ее надменный взгляд. – И если вас так заботит родословная, мой отец – граф.

Чувство превосходства постепенно сходило с лица Виолы по мере того, как до нее доходил смысл моих слов. Если девушки знали о моем приезде и о том, что я принадлежу к аристократии, то о титуле явно не имели никакого представления.

Понимая, что, скорее всего, мне придется провести с ними бок о бок достаточно много времени, я предложила:

– Если никто не возражает, предлагаю опустить формальности и обращаться друг к другу по имени. Думаю, так нам всем будет гораздо удобнее.

Возразить попыталась лишь леди Фейн, но ее глас быстро потонул во всеобщем одобрении. Я предполагала, что относительно нашего пребывания здесь девушки могут быть осведомлены лучше меня, поэтому спросила:

– Кто-нибудь может объяснить, для чего мы здесь находимся?

Еще недавно оживленные, сейчас все синхронно опустили глаза в тарелки и сделали вид, что не расслышали вопроса. Единственными, кто обратил на меня взгляд, стали Виола и, как ни удивительно, Делора. Последняя смотрела несколько странно, будто бы зная о чем-то важном, но боясь сказать.

– Мы осведомлены не больше твоего, – за всех ответила Виола, тон которой стал гораздо ровнее и дружелюбнее. – Одну за другой нас привозили сюда с января, не давая никаких объяснений.

– А родные? – усомнилась я, одновременно вспомнив о дяде. – Что говорили они?

Если своих родственников, не питающих ко мне теплых чувств, я еще могла понять, то поверить в равнодушие близких этих девушек – нет.

Рыжая приятельница Виолы криво усмехнулась, отчего исказились черты ее лица.

– Все мы из не совсем благополучных семей, я вообще воспитывалась в приюте. Когда полгода назад драила полы в дешевой забегаловке, ко мне подошел старик, предложивший обеспеченную жизнь и ощутимую сумму в придачу.

– И тебя это не насторожило? – спросила я, поняв, что старик – это Дженкинс.

– Насторожило, – кивнула девушка. – Но когда кусок черствого хлеба считаешь за счастье, согласишься и не на такое. Тем более что с нами здесь обращаются хорошо и данное обещание держат. Я ни в чем не нуждаюсь, а большего мне и не надо.

То, что Виола с ее высокомерием и пренебрежением к низшему сословию выбрала себе в приятельницы бывшую воспитанницу приюта, казалось несколько странным. Впрочем, рыжая явно обладала бойким характером и умела постоять за себя, а такие качества всегда ценятся.

– К слову, меня зовут Габриэлла. – Рыжеволосая улыбнулась и тут же добавила: – Можно просто Габи.

Ужин протекал неспешно, уходить из-за стола никто не спешил. Вслед за горячим был подан сладкий пудинг, черный чай и свежие фрукты. Вкус у чая оказался несколько специфическим, с легким горьковато-травяным оттенком.

– Как часто вы виделись с лордом Баррингтоном? – продолжила расспрашивать я, отставив чашку на фарфоровое блюдце.

На этот раз ответила сидящая рядом Кэсси:

– Ни разу.

Заметив, как мои брови поползли вверх, выражая крайнюю степень изумления, она пояснила:

– По словам миссис Эртон – экономки, граф страдает от какого-то недуга. Он прикован к постели, из-за чего никогда не покидает пределов своей комнаты. Все его дела ведет Дженкинс, именно ему лорд безоговорочно доверяет.

– Двенадцать лет назад умерла графиня, – снова взяла слово Виола, явно рисуясь своей осведомленностью. – Говорят, именно с тех пор он занемог. Оградился от всего мира и заперся в стенах этого дома.

Все, что меня удивляло прежде, не шло с этим сообщением ни в какое сравнение. То есть, находясь в доме лорда Баррингтона, никто из девушек ни разу не видел его самого? В таком случае зачем нас всех вообще здесь собрали? Неужели больного мужчину тешит мысль, что рядом с ним находятся молодые цветущие создания? Какая глупость! Наверняка причина совершенно в другом.

Вопросов становилось все больше, а на внятные ответы не появлялось ни намека. Единственное, что я для себя прояснила из последующего разговора, – то, что дяде, вероятно, неплохо за меня заплатили. В конечном счете какая ему разница, в качестве кого и кому меня продавать? Такой вывод напрашивался из слов двух подруг по несчастью, которые видели договора, подписанные их родителями, и чеки с указанием суммы. Все это откровенно плохо пахло, но я все еще надеялась, что родные не могли обречь нас на заведомо ужасную участь. Со временем всему должно найтись рациональное и логичное объяснение, нужно просто набраться терпения.

Однако, как бы я ни пыталась успокоить себя, сама обстановка в доме твердила об обратном. В этом месте явно присутствовала магия – и ее отголоски, и происходящая сейчас. Еще и явившийся мне призрак, при одном воспоминании о котором стыла кровь…

О нем я вспомнила незадолго до того, как повисшую за столом тишину нарушил насмешливый голос Виолы:

– Что, Делора, опять духа увидела?

От этих слов меня буквально передернуло, и в следующую секунду я заметила, что сидящая напротив девушка не мигая смотрит мне за спину. Ее глаза застыли, с приоткрытых губ срывалось тихое дыхание.

Резко обернувшись, я успела заметить легкое колебание воздуха, прекратившееся буквально в один миг. Могла бы поклясться, что нечто подобное сопровождало исчезновение духа в моей комнате. Выходит, Делора тоже его видит, а остальные – нет?

О призраках я знала слишком мало, чтобы делать какие-то выводы. Информация о них имелась крайне скудная, и найти ее было довольно сложно. Книги о любых сверхъестественных явлениях и существах для широких масс находились под запретом, и получить к ним доступ можно было только при наличии специального разрешения. Неудивительно, что, сталкиваясь с духами лицом к лицу, люди оказывались беспомощными. Хотя надо отдать нынешнему монарху должное, в последнее время он стал в корне менять систему, справедливо полагая, что врага нужно знать в лицо и в случае чего уметь защититься. Ходили слухи, что по всему королевству намеревались открыть специальные школы, где людей должны были обучать специалисты по сверхъестественному, предками которых являлись охотники на магов. Конечно, нынешнее название звучало куда более гуманно.

Внезапно в столовой раздался глухой стук. Взгляды всех присутствующих, и мой в том числе, обратились к окну, за которым сидела большая рябая сова, настойчиво стучащая клювом по стеклу.

– Опять твоя глупая птица! – недовольно скривилась Виола.

Ничего не ответив, Делора встала из-за стола и, подойдя к окну, мягко улыбнулась.

– Тш-ш-ш, – успокаивающе произнесла она. – Подожди немного, я скоро приду.

– Не обращай внимания, она у нас со странностями, – с усмешкой обратилась ко мне Габи. – Немного не от мира сего.

Судя по тому, что видела, я бы так не сказала. Услышав голос Делоры, сова склонила голову набок, прищурила большие круглые глаза и внимательно на нее

посмотрела. Затем, будто осмыслив сказанное, взмахнула крыльями и, рассекая ими воздух, скрылась с глаз.

Никто из присутствующих за столом не выглядел удивленным, да и брошенная Виолой фраза подтверждала то, что подобные ситуации случаются часто.
Я снова обратила взгляд на застывшую у окна Делору и на сей раз изучила ее более внимательно. Хрупкое миниатюрное телосложение, из-за которого ее можно было с легкостью принять за подростка, тонкие черты лица, очень длинные распущенные волосы – за этой внешностью скрывалось нечто едва уловимое, но вместе с тем сильное. Не будучи уверена в своей правоте, я все же предположила, что Делора, как и я, обладает магическим даром. Должно быть, благодаря ему и видит обитающего здесь духа.

Словно почувствовав прикованный к ней взгляд, девушка обернулась, и в этот момент по комнате пробежал сквозняк, в последнее мгновение обернувшийся легким ветром. Задребезжали стоящие на столе чашки, задрожала хрустальная, местами заросшая паутиной люстра. Откуда-то из недр особняка донеслись звуки пианино.

В воцарившейся за этим тишине шум от отодвинутого стула показался настоящим грохотом. Небрежно бросив на стол кружевную салфетку, Габи пожелала всем приятного вечера и удалилась. Вместе с ней ушла и Виола, а затем Делора и еще три девушки.

В столовой остались лишь мы с Кэсси.

Я видела, что она задержалась не просто так. Судя по ее поведению во время ужина, Кэсси была явно не против моего общества. Друзей у меня никогда не было, да они были мне и ни к чему, а вот против приятельских отношений я ничего не имела. Особенно теперь. Поэтому сама завела разговор, начав расспрашивать Кэсси о ее прежней жизни. Тема для девушки оказалась вполне комфортной, и она охотно рассказывала о себе.

Как выяснилось, ее отец содержал пекарню и до некоторых пор считался человеком небедным. В их семье пятеро детей, из которых Кэсси была самой старшей. Буквально полгода назад дела отца пошли на спад, и в считаные месяцы он как никогда стал близок к разорению. Тогда и появился Дженкинс, предложивший ему сумму в обмен на дочь. Разумеется, вначале тот

отказывался, но позже сдался и поставил подпись на предложенном ему договоре.

– Какие там были условия? – спросила я, заинтересовавшись этим моментом. – Ты видела документ?

– Помимо оговоренной суммы лорд Баррингтон обещал мне защиту и хорошее содержание сроком до первого дня осени, – припомнила Кэсси. – В обмен я должна всего лишь жить в этом поместье и не покидать территорию без позволения его либо Дженкинса.

– Хочешь сказать, что вы… то есть мы не можем выходить за ограду?

– Почему же? – возразила Кэсси, отправив в рот стянутую с подноса дольку яблока. – Иногда нам устраивают конные прогулки, здесь имеется прекрасная конюшня. Кстати… – Она склонилась совсем близко ко мне и, хихикнув, прошептала: – Конюх такой красавчик.

Вмиг опомнившись, вероятно подумав о моем статусе, девушка тут же отстранилась и, чтобы сгладить неловкость, надкусила еще один фрукт – на этот раз грушу.

Увлекшись разговором, я не заметила, как в столовую вошла миссис Эртон, поэтому прозвучавший позади голос стал неожиданностью:

– Леди Кендол, прошу прощения, что прерываю. Полагаю, ужин окончен. Не желаете осмотреть дом?

Глава 3

Звук шагов отражался от темных стен и разносился по коридорам гулким эхом. Изнутри особняк оказался гораздо больше, чем виделся мне снаружи. Мы миновали залы и галереи, отмеченные робкими лучами света, проникающими сквозь мутные окна. На дубовом паркете местами толстым слоем лежала пыль. Она присутствовала и на мебели, и в воздухе. Создавалось впечатление, что за

домом смотрят лишь в центральной его части, ограничиваясь некоторыми жилыми комнатами. В отдаленные же помещения горничные явно заглядывали очень давно, что, учитывая количество прислуги, было совсем неудивительно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tn.knigapoisk.com/ru/irina-matlak/krug-dvenadcati-dush

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить